

СООБЩЕНИЯ

О «путешествиях» Оливера Брюнеля на реку Обь

(Об одном историческом мифе)

Г. Красинский

Некритическое воспроизведение каких-либо сообщений об исторических событиях без аналитической проверки как самых событий, так и обстановки, в которой они протекали, приводит к искажениям и ошибкам. Так случилось и с версией о походах на Обь Оливера Брюнеля, получившей широкое распространение в исторической литературе¹.

Брюнель впервые прибыл в Кольскую гавань из Нидерландов около 1570 г.² и проехал дальше в Холмогоры, где по доносу английских торговцев был обвинён в шпионаже и арестован³. Из заключения он был освобождён старанием крупных купцов-промышленников Строгановых⁴, к которым и поступил на службу. По тор-

¹ См., в частности, «История СССР», Т. I, стр. 397. М. 1938. Изд. Института истории АН СССР.

² В. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединённых Нидерландов до 1671 года. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 116, стр. XXXI. Пгб. 1902.

³ J. Hamel. Tradescant der aelter, 1618 in Russland, стр. 234. Petersb. 1847. Как сообщает Кордт, Брюнель направлялся в Холмогоры для изучения русского языка, что вполне возможно, так как иностранные купцы, заботясь о расширении своих торговых дел в России, направляли сюда с указанной целью молодых людей. Московские власти обычно давали разрешение на поездку при том условии, «будет в них лазутчества не почаяют» (Акты Археологической экспедиции. Т. III, стр. 265). Подозрение в «лазутчестве» могло быть причиной ареста, тем более, что Брюнель прибыл в Холмогоры без разрешения на въезд (без «проезжей грамоты»).

⁴ J. Scheltema (Russland en de Nederlanden. Ч. I, стр. 39. Amsterdam. 1817) сообщает, что Брюнель был освобождён благодаря знаменитым купцам Amsckers из Кёлы. «Amsckers» — это Anteckers, т. е. Аникивичи (вполне понятно, что иностранцы в незнакомом им слове могли написать «п» вместо «пi»). Аникивичами же звались тогда на Руси не только сыновья, но и внуки Аники Фёдоровича Строганова (см. А. Введенский. Торговый дом XVI в., стр. 63.

говым делам Строгановых он ездил в Нидерланды⁵. В конце 1580 г. Брюнель был направлен туда с особым поручением, о чём сообщил некоему Балаку, знакомя его с планом своего северного плаванья в Китай. Балак снабдил Брюнеля рекомендательным письмом к известному географу Меркатуру. От последнего письмо Балака стало известно английскому историографу Гаклюйту, опубликовавшему его в 1589 году. С тех пор все сообщения Брюнеля почитаются историками бесспорными и служат основанием для исторических построений.

Из приводимых в письме Балака⁶ заявлений Брюнеля явствует, что он имел вполне определённое поручение: нанять («со щедрой оплатой») в Антверпене квалифицированных судоводителей и команду для морских судов, которые строились Строгановыми в устье Северной Двины и предназначались для северных плаваний. Однако вместо выполнения хозяйского поруче-

Л. 1924); ср. сибирские повествования Массы у М. Алексеева. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск. 1932, 1941. Полупто отметим, что как Гамель, так и Кордт неправильно истолковали слово Кола, приведённое в голландских известиях, полагая, что голляндцы ошибочно написали Cola вместо Sola. Исходя из этого, они заключили, что речь идёт о Сольвычегодске, т. е. первой хозяйственной базе Строгановых. Однако голляндцы могли писать именно о Коле, где Строгановы имели торговое предприятие и откуда Брюнель направился в Холмогоры.

⁵ Схелтема (указ. соч., стр. 39) сообщает, что Брюнель приезжал в Дордрехт. Кордт же (указ. соч., стр. XXXIII) пишет, основываясь на голландских данных, что Брюнель был послан в Нидерланды с двумя родственниками Строгановых и что часть товаров была ими продана в Антверпене и Париже. Выходит (и это ближе всего к истине), что Брюнель лишь сопровождал за границу доверенных людей Строгановых.

⁶ R. Hakluyt. The principal navigations. Т. III, p. 450—454. Glasgow. 1903—1905.

ния Брюнеля предпочёл заняться поисками собственной «дороги к счастью» и выдвинул проект северного морского путешествия в Китай через Обь. В обоснование такого проекта им было заявлено Балаку, что он лично якобы уже совершил походы в низовья Оби как сухопутьем, «через страну самоедов и Сибирь», так и морем, от берегов Печоры на восток.

Сущность брюнелевского вымысла и его «истоки» будут показаны ниже. Сейчас же остановимся на том, каким путём Оливер Брюнель и его заслуги «первооткрывателя» морского пути к Оби утвердились в русских исторических трудах.

Первую брюнелевскую страницу в истории русского полярного мореходства открыл академик И. Х. Гамель. Изданное в 1847 г. исследование Гамеля «Традескант старший» содержит сведения о Брюнеле и его обских «вояжах»⁷.

Версия о Брюнеле как первооткрывателе морского пути к Оби продолжена в исследовании В. А. Кордта⁸. Здесь исторические заслуги обского пионера ещё более возведены, а возникшие сомнения получили «авторитетные» разъяснения. По исчислениям Кордта путешествия Брюнеля на Обь должны были совершиться между 1577 г. (когда он вернулся в Россию из заграничной поездки) и 1580 г. (когда он уехал из России).

Таков был почётный, но всё же несколько локализованный пьедестал, на который Брюнель был вознесён в русской исторической литературе во второй половине XIX и в начале XX века. Начиная с 20-х гг. нынешнего столетия образ Брюнеля как опытного обского мореплавателя служит неизменным спутником всех повествований, относящихся к истории русского Севера и Сибири. При этом лавры Брюнеля прогрессивно возрастают. В то время, например, как сам автор легенды рассказывал Балаку об одном лишь плавании — по Печоре и дальше на восток, к Оби, — С. Ф. Платонов устанавливает: «По поручению Строгановых он дважды (!) ездил в Сибирь к р. Оби, спускаясь в море по Печоре, и таким образом ознакомился с условиями плавания вдоль сибирских берегов»⁹. Как видим, морской полярный стаж Брюнеля получил у Платонова стопроцентное повышение.

В то время как Строгановы поручили Брюнелю только нанять нужных моряков для службы на строящихся ими судах (причём Брюнель и не намекал даже на то, что он также намечается Строгановыми в качестве участника этого поискового предприятия), Платонов утверждал: «На Северной Двине Строгановы построили два корабля, с которыми Брюнель должен был

обогнуть азиатский материк». А С. В. Бахрушин счёл своим долгом это не совсем ясное (по Платонову) штатное положение Брюнеля авторитетно уточнить: «Под его же (Брюнеля. — Г. К.) руководством Строгановыми готовится экспедиция морем и Обью для открытия дороги в Китай»¹⁰.

Хвалебный цикл получил в конце 1948 г. достойное завершение у В. Ю. Визе¹¹. По мнению Визе, оказывается, что Брюнель прибыл в Холмогоры ещё в 1565 году. Здесь он «жил» и тут же «изучил» русский язык, после чего «поступил» приказчиком к Строгановым. Когда он попал в неприятность, Строгановы его «высвободили». Затем, начиная с 1576 г., он совершал походы на нижнюю Обь. Немудрено, если из всего сказанного следует вывод: «Таким образом, Брюнель был первым иностранцем, прошедшим Северным морским путём в устье Оби»¹².

Что же происходило в действительности? То был век географических открытий, начальный период капиталистической «эры». Наиболее развитые страны Западной Европы — Англия и Нидерланды — искали возможности достигнуть новооткрытых азиатских стран Северным морским путём, не контролируемым испано-португальским флотом.

По распространённому в Западной Европе XVI и значительной части XVII в. географическим представлениям, река Обь брала начало из «Китайского озера», поблизости от которого расположена столица Китая Cymbalic, т. е. искажённый Хан-балык¹³. Представления эти являлись результатом накопившихся географических догадок в сочетании с неправильно воспринятыми европейскими учёными сообщениями, которые исходили от первых русских послов к европейским дворам.

Сведения об Оби распространены были в Новгороде Великом ещё во второй полови-

¹⁰ С. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 148. М. 1928.

¹¹ В. Визе. Моря советской Арктики, стр. 24. М. 1948.

¹² Заявления В. Ю. Визе о времени прибытия Брюнеля в Россию, его жизни в Холмогорах, добровольном поступлении на службу к Строгановым и т. д. лишены основания. В. Ю. Визе остался, видимо, неизвестен практиковавшийся тогда на Руси выкуп из плена и мест заключения разных полезных людей из «немцев» и «литвы», чем и объяснялось появление Брюнеля на службе у Строгановых. Свообразный характер исторических произведений В. Ю. Визе отчётливо проявился в книжке «Русские полярные мореходы XVII—XIX вв.» (М. 1948) (см. отзыв в журнале «Морской флот» № 1 за 1949 г.). Цитируемый здесь труд «Моря советской Арктики» характеризуется такими же чертами. Следует при этом отметить, что ряд событий, относящихся к советской эпохе, также получил там неправильное освещение.

¹³ Хорошо отражено это на картах Герберштейна («Записки о московитских делах», перевод Малевича. Птб. 1908) и Дженкинсона (R. Hakluyt. Указ. соч. Т. III).

⁷ См. русское издание И. Гамель. Англичане в России. Птб. 1865 и 1869.

⁸ В. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединённых Нидерландов до 1671 года. Сб. РИО. Т. 116.

⁹ С. Платонов. Прошлое Русского Севера, стр. 87. Берлин. 1924.

не XIV в. (одно известие об ушкуйническом походе на Обь относится к 1364 г.¹⁴) и могли стать известны европейским купцам, поддерживавшим торговые сношения с Новгородом. Относительная близость Оби, которую можно было достичь из новгородского Заволочья системой притоков Северной Двины и Печоры, придавала особый вес упомянутой географической концепции; если Обь берёт начало из огромнейшего (как изображалось тогда на картах) «Китайского озера», то она должна быть исключительно широка и глубока. Отсюда вытекало заключение: стоит лишь на морских судах достичь устья Оби — и торговые сношения с Китаем, а затем и Индией будут обеспечены.

Таким образом, «обская идея» приобретала актуальное производственное значение. Зародившись, она продолжала, несмотря на безуспешность первых северных поисков, крепнуть и утверждаться в умах.

Брюнель, понятно, поддерживал связь с нидерландскими предпринимателями. Усвоил он и распространённые тогда географические представления. Служа у Строгановых, он слышал от их людей и от встречавшихся поморов про походы мимо или из района Печоры к Югорскому Шару и дальше (Ямальским волоком) к Обской губе и затем к Тазовской губе. Слышал он также про поездки русских людей в пушные районы нижней Оби «чрезкаменным» (чрезуральским) путём. Действительные, но плохо усвоенные им данные переплетались с фантастическими литературными описаниями. Результатом всего и явились те сведения, которые Брюнель преподнёс Балаку о якобы виденных им местах, превратившихся затем в непрерываемый (по С. В. Бахрушину) исторический источник.

Вот какие «данные» сообщил Брюнель о «посещённой» им (да ещё дважды) Оби¹⁵: «Устье Оби состоит из семидесяти рукавов»¹⁶. Наличие многочисленных островов, населённых различными народами, делает невозможным исследование всего этого устья, но Брюнель собирался всё же изучить три — четыре наиболее судоходных рукава. Правда, Брюнель ссылается на то, что сведения эти он приводит со слов местных жителей, но не приходится доказывать, что ни один местный человек не мог бы снабдить его такой «информацией».

¹⁴ Новгородская IV летопись. ПСРЛ. Т. IV, стр. 65.

¹⁵ Письмо Балака приводится (в недостаточно точном переводе с английского) у М. Алексеева. «Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей». Иркутск. 1932 и 1941.

¹⁶ Любопытно отметить небольшую деталь. Гамель в своём «Традесканте старшем», изданном на немецком языке (стр. 233, прим. 3), приводит точно этот брюнелевский счёт рукавов Оби (семьдесят). Но в русском переводе (повидимому, в стремлении смягчить фантастичность брюнелевских сведений) эти семьдесят рукавов превратились лишь в 12. («Англичане в России», стр. 212, прим. 2).

Вторая достопримечательность Оби — её необычайнейшая ширина. Ту часть реки, к которой он «лично» подходил сухопутьем через Сибирь, находящуюся на расстоянии двенадцатидневного пути от места впадения Оби в море, туземцы переплывают в лодках в течение трёх дней. При этом лодки в пути часто гибнут, так как туземцы не умеют ориентироваться ни по солнцу, ни по звёздам¹⁷.

Дальнейшие «данные» Брюнеля, полученные им будто бы от туземцев, осведомляли, что вниз по Оби проплывают суда с чернокожими и смуглокожими людьми, гружённые богатыми товарами и драгоценностями; что прадеды этих туземцев слышали мелодичный звон колоколов, доносившийся со дна Китайского озера, и видели расположенные у этого озера большие и красивые здания¹⁸.

Смущённый всей этой галиматьяй, сообщаемой прославляемым им «исследователем» Оби, В. А. Кордт вынужден был признать, что Брюнель никогда на Обь не бывал: «Морской путь был ему известен по собственному опыту только до устья реки», что же касается самой Оби, то «источники, которыми он увлёкся при составлении своего плана, могли в действительности ввести его в заблуждение»¹⁹.

Миф о брюнелевских путешествиях по Оби, полагаем, достаточно ясен. Разберём теперь ту часть путешествия, которую он «совершил» морем.

Свои северные плаванья поморы совершали, придерживаясь матерого берега. Им необходимы были береговые ориентиры, а в негоду — укрытие в какую-либо береговую излучину. Тем обязательнее было береговое плавание в Карском море, так как плаванья на мелкосидящих кочах (небольшие плоскодонные, однопалубные и одно-мачтовые поморские суда) были рассчитаны именно на следование малыми прибреж-

¹⁷ Стоит отметить ещё более характерную деталь у другого апологета Брюнеля — В. А. Кордта. Он излагает: «Некоторые из живших здесь туземцев, которые предпринимали путешествия и в течение трёх дней плыли вверх (?) по реке Оби...» (В. Кордт. Указ. соч., стр. XXXIX).

¹⁸ Вот характерный пример того, как иногда формируются исторические домыслы. Брюнель сообщил «название» той местности, которую он «посетил» на реке Оби: Якс-Олгуш. Название, разумеется, вымышленное. Тогда Гамель высказывает мнение (указ. соч., стр. 211), что название это «может относиться только к Тазовской губе»; возможно, мол, что Брюнель сказал Taesof guba, а у Балака это превратилось в Jaks-Olgush. В. Кордт (указ. соч., стр. XXXIX, прим.) пользуется иным методом распознавания сокровенного смысла брюнелевской мистификации. Ссылаясь на голландского историка-географа Витзена, который в голландском переводе письма Брюнеля добавил непонятное слово Jazis, Кордт находит, что в этом слове («Язис») «звучит» слово «Таз»!

¹⁹ Сб. РИО. Т. 116, стр. XI.

ными глубинами: под берегом больше сказывается отжимное действие на лёд речных стоков, а в случае нажимных ветров между грядой дрейфующих морских льдов и береговой линией большей частью остаётся проход, доступный для мелкоосидящих судов. Следовательно, Брюнель должен был бы прежде всего хоть что-нибудь запомнить о характере береговой черты. Но вот как Брюнель изображает «пройденный» им морской путь. Остров Вайгач расположен «почти на полпути между Югорией и Новой Землёй» — не между, а «на полпути». Выходит, что между материком и южным островом Новой Земли простирается протяжённый морской участок, почти на середине которого расположен остров Вайгач. Будь Брюнель в этом районе, он бы заметил, что Вайгач лишь неширокими проливами отделён от материка и южного острова Новой Земли.

На пути к устью Оби, вдоль берегов Ямальского полуострова, Брюнель «не заметил» острова Белого (нигде о нём не упоминает). Мы уже отмечали прибрежный характер тогдашних плаваний поморов по Баренцову и Карскому морям. Вполне очевидно, что если бы в то время имели место прямые морские походы в Обскую губу, то и по ледовым и навигационным соображениям они могли и должны были бы совершаться только через пролив Малыгина, между островом Белым и северным краем полуострова Ямал. Глубины в проливе допускают обеспеченное плавание судов с двухметровой осадкой и одновременно препятствуют заходу в пролив глубоководящих дрейфующих льдов. Между тем плавание вокруг острова Белого бывает связано с возможностью встречи со льдами, всего чаще группирующимися под северным берегом острова. Ни один моряк, ни один путешественник не мог бы пройти мимо острова, не отметив его, ибо протяжённость южного его берега составляет около 55 км при ширине западного входа в пролив всего около 9—10 км.

Весьма красноречиво, в частности, другое обстоятельство: о возможности встречи со льдами на морском пути к Оби Брюнель нигде никаких даже предположений не высказывает. Но зато большие массы льда, по его «сбыву», могут быть встречены... в устье Оби. Лёд, мол, там всегда бывает — когда больше, когда меньше.

Чтобы оценить по достоинству познания этого «мореплавателя», следует учесть, что устье Оби после весеннего ледохода совершенно очищается от льда и таким остаётся до периода ледостава. Что касается Обской губы, то и она летом очищается от льда, но в её северную часть могут летом заходить морские льды в случае продолжительных ветров от северных румбов. Однако самое забавное заключается в том, что в последнем случае, — т. е. при наличии в этой полосе Карского моря скопления льда, прижатого к берегу под действием северных ветров, — самый подход морских судов (да ещё парусных!) к Обской губе становится невозможным. Всё это показывает, что

Брюнель никогда морем в Обскую губу, вокруг Ямальского полуострова, не плывал.

Проверим, наконец, предположение И. Гамеля, что морской поход к Оби, о котором Брюнель рассказал Балаку, совершён был²⁰ чрезъямальским ходом. Таким путём русские «торговые и промышленные люди» плавали в Мангазею — к устью реки Таз (Тазовская губа). От Югорского пролива они проходили к устью реки Мутной (у северного края Байдарацкой губы), подымали по ней бечевой во время приливов свои небольшие, грузоподъёмностью около 6 тонн, кочи до Ямальских озёр (откуда вытекает Мутная), разгружали суда, перетаскивали их небольшой протокой между озёрами, затем перетаскивали по сухой земле («а сухого волоку от озера до озера с полверсты и больше») до озера, из которого вытекает река Зелёная, впадающая в Обскую губу. Путь этот был довольно длительным и трудным (подробно о нём см. в рассказах поморов мангазейским воёводам)²¹.

Толкование И. Гамеля не выдерживает критики, ибо, во-первых, даже Брюнель не мог бы скрыть такую «деталь», как необходимость разгрузки морских судов и протаскивания их через Ямал системой небольших рек, озёр и волока; во-вторых, Брюнель стремился добыть в Нидерландах обычный тогда тип морского судна, хотя бы и с малой осадкой: речь шла о барке, т. е. трёхмачтовом мореходном судне. Нужно ли доказывать, что возможность прохода такого килевого судна ямальскими речками да ещё волоком, совершенно исключалась? Если бы Брюнель хоть раз присутствовал при том, как поморы перетаскивали кочи и грузы («и тем волоком запасы носили на себе на плечах и павозки волочили конаты, а кочи тянули через волок конатами же, делаячи ворота»), он не стал бы заниматься своими прожектами.

Единственным источником, повествующим о кургановских походах к Оби, служит указанное выше письмо Балака, содержащее фразу: «Этот самый человек совершил путешествие на реку Обь как сухой, через страну самоедов и Сибирь, так и морем, вдоль берега от реки Печоры на восток». Кроме данного сообщения Балака об этих мифических походах Брюнеля, нет ни у кого из его современников ни единого упоминания. Это тоже показательно. Если бы Брюнель совершил хоть одно морское путешествие к Оби, то уж англичане знали бы об этом, тем более, что в 1580 г. они проводили исследовательскую, с особенным вниманием готовившуюся экспедицию по северо-восточному пути (Пэт и Джексон). Они усиленно собирали и систематизировали всякие сообщения, относившиеся к северному проходу в Китай.

Ход событий в этом деле рисует нам следующий образ. В Русском государстве ещё в первой четверти XVI в. сложилось представление о возможности достижения

²⁰ И. Гамель. Указ. соч., стр. 211.

²¹ Русская историческая библиотека. Т. II, стб. 1087 и сл.

стран Восточной и Юго-Восточной Азии морским путём из Европы, вдоль северного побережья Евразии. Павел Иовий, составивший в 1525 г. описание «Московской страны» по рассказам русского посла Дмитрия Герасимова, сообщает: «Известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несётся в стремительном течении к северу и что море там имеет такое протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, можно оттуда добраться на кораблях до страны Китая»²².

Совершенно правильная мысль, родившаяся у русских людей, была искажена тогдашними западноевропейскими географами, которые вопрос о достижении Китая северо-восточным путём связали с Обью, якобы вытекающей из Китайского озера.

Правильная географическая ориентировка, острая наблюдательность и догадливость, в сочетании с предприимчивостью, отвагой и готовностью к невзгодам, всегда были характерны для русских поморов. Когда в морских плаваниях к нижней Оби Карским путём они оказались бессильны (при том уровне знаний и технических средств) в борьбе «со льдами великими» у северной половины Ямальского полуострова, они нашли мыслимо лучший выход из положения, логически сообразив, что нужно искать переход через Ямал. Так сложился обрисованный выше чрезъямальский путь-волок.

Когда русские промысленники, торговые и служилые люди, находившиеся в низовьях Колымы, узнали о местоположении реки Анадырь, они решили предпринять плавание (ледовым океаном, на небольших судёнышках, вдоль неведомых берегов) на восток, в расчёте достигнуть морем устья этой новой реки. Так родился исторический поход «Семейки Дежнева с товарищи», которые первыми в 1648 г., т. е. за 80 лет до Беринга (которому затем было приписано открытие пролива, носящего его имя)²³, обогнули северо-восточный выступ Азии и вышли в Тихий океан. «Отписки» Семёна Дежнева о совершенном им замечательном плавании

²² «Павел Иовий Новокомский», стр. 262, пер. Малеина. Пб. 1908.

²³ Фактический Дежнев совершил именно то географическое открытие, которое Берингу осуществить не удалось. Преклоняясь перед памятью людей, отдавших свои силы и жизнь делу служения человечеству, служению нашей стране, мы всё же должны сохранять необходимую объективность в своих оценках. Как первая, так и вторая экспедиции Беринга своей основной задачей («сошлася ли Азия с Америкой») не разрешили. Мы должны также отметить несправильное освещение этих начинаний в нашей современной исторической литературе. В «Истории СССР» (т. I, стр. 715) первые русские тихоокеанские исследовательские плавания именуются «экспедициями командора Витуса Беринга», и совершенно не упоминается наиболее вдумчивый, решительный и умелый участник этих походов — Алексей Ильич Чириков. Таким же образом экспедиции именуются и в сборнике, изданном Главным архивным управлением в 1941 году. На

стали известны лишь ограниченному кругу людей и затерялись в воеводских канцелярских архивах. Официальная придворная Москва Алексея Михайловича или мало знала о походе Дежнева или не придавала ему особого значения: её больше интересовал «рыбий зуб» (моржовые клыки), обнаруженный в больших количествах на Анадырской «корге» (косе). А в Западной Европе ещё много лет спустя географы продолжали гадать: сходится или не сходится Азия с Америкой?..

Имеется ещё одно свидетельство (неизвестного итальянского автора, находившегося в Москве около 1553—1557 гг.), утверждающее, что к делу исследования Северного морского пути проявлял внимание Иван Грозный²⁴. Но если справедливо сообщение, что Грозный «назначил большие награды для поощрения» этого дела, то эти поощрения адресованы были предприимчивым московским людям, ибо, во-первых, в этот период попытки к проходу северо-восточным путём в Китай предпринимали только англичане: они преследовали свои цели и в поощрениях Москвы не нуждались; во-вторых, Грозный прецедентов, а не содействовал иностранным стремлениям к проходу в Обь. Грозный пытался стимулировать интерес московских людей к северным плаваниям, это соответствовало его стремлениям основать морской флот.

Наступил 1580 г., когда англичане снова, после некоторого перерыва (1556—1580), снарядили экспедицию Пэта и Джемзна. Тогда-то Строгановы (в согласии с Москвой, а скорее всего по прямым указаниям Грозного) и решили приступить к постройке в устье Двины двух морских судов, предназначенных для дальних северных плаваний. Для такого дела потребовались и шведские мастера. Нужных моряков следовало подыскивать именно в Нидерландах, так как нидерландцы приходили в положенные им Кольское и Двинское «пристанища» и не делали ещё нежелательных (до 1694 г.) попыток проникнуть в более отдалённые районы. Вполне естественна была посылка для такого дела в Нидерланды нидерландца же

данное обстоятельство обратил внимание А. И. Андреев («Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 2. 1943 г.), который поместил фотоснимок высказывания Ломоносова по этому поводу: «В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошёл далее». Факты свидетельствуют также, что в Петербурге второй половины XVIII в. тихоокеанские экспедиции именовались экспедициями Беринга и Чирикова. Об этом говорится у англичанина Кокса (Account of the Russian discoveries between Asia and America. 1780), затем в «Месяце-слове» Академии наук на 1781 г., а также в «Russische Bibliothek» Бакмейстера, 1781 г. Незаслуженное забвение Чирикова в наших исторических трудах ничем не оправдывается.

²⁴ «Донесение о Московии». Чтение Московского общества истории и древностей российских, кн. 2 (245), стр. 20—21. 1913.

Брюнеля, что Строгановы и сделали. Никаких особых качеств и никакого опыта путешествий на Обь для этого не требовалось. Осенью 1580 г., по окончании северной навигации, когда подтвердились известия об английских кораблях, направившихся в Карское море, Строгановы приступили к строительству двух кораблей. А затем через Ругодив (Нарва) или Колывань (Таллин) послали в Антроп (Антверпен) и Брюнеля: 20 февраля 1581 г. он находился на острове Эзель.

Брюнель, конечно, был весьма предприимчивым человеком. Как и другие иностранцы, он знал, что морской путь в Китай проходит вдоль северных русских берегов, а затем Обью до «Китайского озера». То было общепризнанным среди иностранцев понятием. Это знал даже далёкий от всяких навигационных дел немецкий ландскнехт Штаден²⁵, служивший в опрочинине и проживший некоторое время в Поморье.

Здесь именно и сказались свойства Брюнеля, «самого интересного и замечательно-го» (по Кордту) «первооткрывателя» северного морского пути в р. Обь. Зная о предпринятом англичанами плавании в Китай и готовившемся северном плавании Строгановых, он уже на пути в Нидерланды решил «опередить» их в этом деле. Вместо выполнения поручения Строгановых он решил организовать собственное предприятие. Но для этого надо было получить барк, укомплектовать и снарядить его, загрузить товарами. Своих средств у Брюнеля не было. Надо было поэтому заинтересовать нидерландских купцов, судовладельцев, убедить их в прибыльности проектируемого дела. Надо было, чтобы они поверили, что путь в Китай представляется «без сомнения весьма коротким и лёгким», что плава-

ние из Двинской гавани через Печору в Обь, затем по Оби (против течения на парусном судне!) до Китая может быть осуществлено (хотя и условно) в одно лето. Для этого требовались доказательства. Поскольку их не было, на сцену и выступил подкреплявший «прожект» Брюнеля «личный опыт».

И Брюнелю удалось убедить. Получив поддержку крупного голландского купца-арматора Балтазара Мушерона, Брюнель в 1584 г. действительно предпринял поход «в Китай». Это его первое (и единственное) полярное начинание закончилось так, как только и могло закончиться: дошёл он до Вайгача, дальше его не пустил лёд; на обратном пути зашёл в береговую бухту в районе устья Печоры, где его судно и осталось на мели. Здесь мы располагаем ещё одним доказательством того, насколько вымышленны версии о прежних Брюнелевских походах на Обь: стоило ему действительно предпринять одну попытку, как о ней потом неоднократно вспоминали другие иностранцы. Костин Шар, куда подходил Брюнель, отмечали через 10 лет (в 1594 г.) участники экспедиции Баренца²⁶ и через 24 года (в 1608 г.) Гудзон²⁷. О месте, где сел на мель корабль Брюнеля, сообщал даже через 28 лет (в 1612 г.) Логан²⁸.

Так обстоит дело с обскими путешествиями Оливера Брюнеля, которому историки отводят (по формулировке Кордта) «прочное и видное место» в истории северо-восточных плаваний. Достоинно сожаления, что об этой басне, искажающей историю русского Севера и оскорбляющей память отважных российских мореходов XVI в., продолжают с серьёзностью повествовать даже некоторые советские историки.

²⁶ S. Purchas. Hakluytus Posthumus, vol. XIII, p. 45. Glasgow. 1903—1905.

²⁷ Там же, стр. 328.

²⁸ Там же, стр. 234.

²⁵ H. Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat, S. 213. Hamburg. 1930.